

Пора (время-бытие). Лекция II (12.09.1995). Часть 2.

Разница между страхом-испугом и ужасом-тоской тогда, вы видите, до противоположности, или противонаправленности: страх суетясь ищет как бы *не* принять, избежать факта; ужас-тоска просто силой вталкивает присутствие в его неисправимую, не-избежную брошенность, а брошенность это существо нашего присутствия: оно с самого начала и всё в целом и есть такое, что оно брошено. Мы *возвращаемся* в ужасе-тоске, оказываемся там, где мы с самого начала только и есть. Страх гонит искать среди одних фактов прикрытия от других фактов, и это и полезно наверное и хорошо и поневоле делается, но это *совсем не то*, это перебирание возможностей, которых много в мире, снова и снова перебирание возможностей («душа моя, того ли восхотела еси»), и совсем другое — принятие факта самой брошенности, *собственной*, совсем настоящей и совсем моей. Ах этому научить ведь невозможно; вы будете говорить другому, поверь что то в чем проходит день, что вокруг, настоящее и это и есть твое, прими и согласись, что всё *так*. Он скажет: меня учат рабству у обстоятельств. Кто будет прав. Чтобы войти в то, что Хайдеггер называет брошенностью, *Geworfenheit*, нужен опыт из тех, которые себе не закажешь, как в стихотворении Тютчева 1835 года «Тени сизые смешались»:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...—
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!..—
Сумрак тихий, сумрак сонный,—
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Уничтоженье, встреча с ничто не как с философской проблемой, а когда ничто подступает так, что *оказывается*, что наше присутствие всегда в него *вдвинуто*, или что наше присутствие и *есть вдвинутость в ничто*, — смотрите, настолько не отталкивает от факта, что наоборот у поэта рядом стоят стихи:

— Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Расставание и принятие — одно настолько, что можно спросить, настоящее ли вообще принятие без расставания. Оно не настоящее, всякое такое условное принятие заряжено потом бунтом, разрушением. Пример: жест человека в богатой машине, выбросить на остановке из окна на проезжую часть смятую бумагу, окурок. В этом жесте — он похож на отчаянный сигнал заключенного, прочно скованного в тюрьме, тем более прочной, что он сам ее автор (по Кьеркегору, самые прочные тюрьмы наши самим себе), что он *выбрасывает*, в сущности всю эту ситуацию, — где он как будто бы охотно принял деньги, машину, богатство. Панический жест.

Расстающееся принятие не выбирает одно в пику другому,

например жест панического выбрасывания (этот мусор из окна дорогой машины ведь выбрасывается по сути так же, как с обреченного тонущего корабля бросают закупоренную бутылку с письмом в воду, только здесь письмо жеста закупорено для самого бросающего), много предопределяющий в судьбе машины и водителя, выбирается предпочтается машине и богатству: «с миром... смешай — Всё во мне, и я во всём!...».

Но само это настроение, встречи-расставания, еще только как пружина для мгновения, о котором говорилось. Без встречи-расставания, расставания-встречи с нашей брошенностью, в ужасе, тоске, нет настоящего решения; без решимости нет мгновения. Не так поэтому, что присутствие само устраивает себе мгновение своей решимостью забежать вперед, в смерть. Мы *всегда* брошены так как мы брошены; всегда мы можем встретиться с брошенностью: эта встреча *всегда* самое трудное и последнее, чего мы достигаем. *Самое* простое это запутаться в разнице между страхом и ужасом, они противоположны. *Самое* простое это принять не нашу брошенность, а просто то что с нами случилось и привыкнуть «примириться» с обстоятельствами. Как это может быть, что принятие брошенности это *непринятие* «условий» и «обстоятельств»? Даже после всего что наговорено это еще звучит как парадокс, кто-то скажет: надо это бросить, тут не разберешься. Тут самое трудное и главное; чем бежать от этого места к политической борьбе за добро против зла или к спасению мира, лучше поверить что по-настоящему трудно здесь. Как отличить равнодушие, которое всё подряд принимает, Gleichgültigkeit, от ровности души, Gleichmut. Их надо жестко разделять, рассекать, scharf zu trennen (с. 345). Такой узкий проход к мгновению. Мгновение это взгляд, впервые не условный, а очищенный встречей-расставанием, *на то же*, на что мы смотрели до сих пор. Но по-другому. Что-то происходит, если перейти на язык Витгенштейна, со сменой аспекта.

Есть ли *другой* путь, выйти к «мгновению ока», взгляду не обреченному на блуждание (мгновение схватывает всё неподвижным не в смысле умершим, остановившимся, а в смысле *достаточно*, уже не нужно выслеживать изменения, просвеченность есть уже и там), чем через ту последнюю и не-обходимую возможность небытия. Нет. Всем разделом о времени и мгновении, последнем в книге «Бытие и время», управляет вопрос, поставленный в начале второй части этой книги, о *целости*. Другой целости кроме как той встречи, где безусловное небытие, выступание в него нашего присутствия, дает встретить *всё* бытие, нет — другую целость можно по-разному конструировать усилиями ума, но на опыте ее знать не дано.

Встреча-расставание это не-обходимая возможность, она будет. Она будет так, что она уже есть сейчас. В этом факте ничего не меняется, если мы решаемся на то, что всё равно будет, уже сейчас. Только так, через решимость, готовится мгновение — «мгновение ока». Оно приходит стало быть из будущего. Но только оно, только ему, мгновению ока, открывается настоящее настоящее и настоящее прошлое. Прошлое дожидается своей поры; пора прошлому приходит из того что будет. Без этого блуждание по бесконечному прошлому и неуловимому настоящему

не кончится. Нам кажется что история уже была в те тысячелетия, о которых у нас есть книги; что нам это кажется, ясно уже по тому, что мы не решаемся называть историей те сотни тысячелетий, о которых у нас нет ни книг ни черепков. История, если о ней вообще имеет смысл говорить, получает этот смысл из тайного источника (с. 386), из конечности временности, или, мы скажем, из того что время это всегда пора. — И между прочим что́ надо чтобы стала история, скажем чтобы окружающая нас природа стала историей? Достаточно *мгновения*, мгновения *ока* на «вот», — на *такую* фактичность *так* брошеную *такого* присутствия. Этим мгновением *ока* питается история, и тогда создаются пирамиды, такие постройки, или современные дворцы, постройки техники. История в этом своем тайном существе совпадает с судьбой; и если бы у Хайдеггера был в распоряжении русский язык, он мог бы назвать историю протяженным настоящим. Сколько времени длится «мгновение *ока*». Сколько времени длится обеспечивающая его решимость. Сколько времени длится опыт ужаса, тютчевской тоски. Мы ошибемся, если скажем что мгновение *ока* длится мгновение *ока*? Нет конечно. Но оно, однажды разомкнув «просвет» экзистенции, сразу смыкается, *не дожидаясь их*, когда они возникнут, с другими «мгновениями *ока*», *предполагая их*, извлекая-повторяя в силу своего мгновения, восстанавливая все мгновения.

Понимая время как пустое пространство, которое сегодня открывается для одних, завтра для других занятий, я никогда не смогу решить, мне будет казаться то одно то другое, решающий мой сегодняшний, или завтрашний, успех или неуспех; тем более что он зависит от случая (с. 410), от обстоятельств. Наверное, успех зависит еще от усилия; усилие зависит от времени, я вижу как успех и вообще приходит к тем, кто долго работал и долго ждал, и не ослаблял усилия. Я вижу, что и я должен потратить всё свое время, и то будет мало. Я тогда говорю: «у меня нет времени». Времени нет, и от этого я еще больше его теряю. — Посреди этой спешки и патологической нехватки времени у современного человечества (я когда-то заметил, что времени стало не хватать между Данте и Петраркой, между Средневековьем и Новым временем, Данте как будто бы всё успевает) на самом деле *всегда* есть время для той решимости, которая решается заглянуть в глаза одной исключительной, не-обходимой возможности, которая уже *есть* и которая уже сейчас изымает меня из размазанности по вещам мира, в расставании-встрече с ними. Так что когда времени уже нет совсем никак и ни для чего, как бы еще не больше становится времени для этого *Vorlaufen*, забегания вперед. У решимости есть своя временность, «мгновения *ока*». Экзистенция в *таком* времени имеет «постоянно» свое время для того, что ситуация от нее требует. Решившемуся то, что открылось в его ситуации, никогда не ставит проблемы с не-успеванием. Мы должны будем освоиться в этом странном пространстве, где «нет времени», «не хватает времени» не звучит. Хайдеггер говорит, что *эта* странная временность, которую по-русски удобнее назвать «порой», в «горизонте расхожего понимания времени *недоступна*». Совсем непонятно, откуда еще возьмется время, когда совсем ясно подсчетом, что его всё больше и больше не хватает. Опыт времени как ленты конвейера, накопляясь, *никак* не приводит к другому времени, к «мгновению *ока*». Мы уже сталкивались с загадочной двойственностью

«настоящего». Еще более двойственно и наступающее, наступающее, Zukunft. Из времени нет выхода поэтому к мгновению так, что сужая время до момента «теперь» мы как методом выпаривания получим мгновение. И вовсе не так, что за моментом *теперь* тянется раскручиваясь другой такой же, а оба момента *теперь*, и этот и который я потом замечу, оба выпали из несостоявшегося мгновения ока, не лишённого времени, заряженного временем высвечивания ситуации нашего присутствия в мире и в бытии.

Это неполное не изложение, а просто заглядывание в страницы Хайдеггера, заключительные в «Бытии и времени», надо больше чтобы мы осмелели, что не одни вступаем в пейзаж *поры*.

Не сразу после этого я рискну пойти сам один. В том месте, где я цитировал (с. 427) из Хайдеггера о мнимой «беременности» времени *теперь* будущим, упоминаются те, кто не просто воображал себе, проецировал «мировое время», а связывал время с «душой» и «духом», на первом месте Аристотель. Цитируется 14-я глава IV книги Физики. До 10-й гл. этой книги говорится о «месте» и «пустоте», 10-я гл. начинается словами: «После сказанного следует по порядку перейти к времени. Прежде всего хорошо будет поставить о нем вопрос с точки зрения... принадлежит ли оно к числу существующих или несуществующих... Что время или совсем не существует, или едва ($\mu\acute{o}\lambda\iota\varsigma$), и темно, неясно ($\acute{\alpha}\mu\upsilon\delta\alpha\omicron\omega\varsigma$)». Это не частое у Аристотеля слово в другом месте, *Мет.* V 12, 1019 a31, переводится «с трудом». Я бы и здесь, в начале Физики IV 10, переводил бы «время существует *с трудом*» и понимал бы «с трудом» широко, в том числе и так что без труда к времени не подойти. — Разбирать трактат Аристотеля о времени (только сначала обратите внимание на *гигантскую* литературу об этом) — это лучше оставить на потом, я прочитаю только то место у Хайдеггера, где он упоминает об аристотелевском определении: «Достоино рассмотрения [я цитирую чуть шире] также то, каково отношение времени к душе и почему нам кажется, что во всём существует время — и на земле, и в море, и на небе [нам *кажется!*]... Будет ли в отсутствие души существовать время или нет? ...Если ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время».

Грубое и, скажу прямо, нелепое понимание этого места то, что земля, море, небо должны дожидаться человека, чтобы он начал считать время и чтобы они включились в историю. Под «душой» вовсе не обязательно понимать даже у Аристотеля человеческую. Под счетом не обязательно математический, школьный. Число, *аритмос*, как греческое *номерус* прежде всего ритм, гармоническая последовательность. Связать время с ритмом — *это значит господина увидеть в времени что-то вроде поры*. Почему Хайдеггер не говорит о *поре* у Аристотеля? Неважно; не знаю; а мы будем. Потому что Аристотель *прямо связывает время и пору в поразительной дефиниции*: кайрос это *агатон* времени, пора это хорошее-доброе времени, благо времени; оно разное, оно имеет *столько же значений сколько бытие* (или вообще бытие и есть благо), и во времени благом будет кайрос, пора; *хорошее* времени, т.е. *собственно* время, время по преимуществу, его достоинство — это кайрос, пора.

Кайрос — *пора* у Аристотеля, тема на следующий раз и может быть для семинара. В словаре кайрос в первом значении «надлежащая мера», *собственно то же что ритмос и нумейрс*, ритм и гармония; надлежащее место (помните, что и у нашей «поры» тоже есть местное значение, «отрежьте до сих пор») и чаще и обычно надлежащее, удобное время, удобный случай; дальше словарь говорит — кайрос время вообще, обстоятельство, т.е. опять-таки время в значении *поры*. Опасность. Положение. Вес, влияние — это отсылает по-моему к тому значению времени, о котором говорилось в отношении «временника».